

Борис Викторович Сударушкин

18+

Полёты в фазе быстрого сна

Борис Викторович Сударушкин

Полёты в фазе быстрого сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388169

SelfPub; 2018

Аннотация

Романтическое знакомство молодого петербуржца с юной африканкой, нелегально бежавшей в Стокгольм, и преступление, вынудившее их скрываться – это, и многое другое, повлекло неожиданные последствия... В оформлении обложки использована фотография автора Steven Pecoraro по лицензии Unsplash.

Борис Викторович Сударушкин
Полёты в фазе быстрого сна

Фоном к началу этой истории является моя первая работа после окончания Университета, а также события, последовавшие после моего ухода оттуда на преподавательскую "ниву" ... А работать я начинал в Питере в "Доме Дружбы с народами зарубежных стран", что был на Фонтанке – в том самом Шуваловском Дворце, который после развала размещавшихся в нём Советских структур Обществ дружбы с зарубежными странами, Фонда мира и Комитета защиты Мира, был передан под нынешний Музей Фаберже.

В мои обязанности, кроме обычных у всех референтов Дома Дружбы дел по организации пребывания иностранных делегаций, входило также кураторство так называемой Комиссии Солидарности с народами Азии и Африки.

Дело в том, что в Питере не было отделения Советского Комитета Солидарности стран Азии и Африки – была лишь эта общественная Комиссия в Доме Дружбы, в которую входила профессура Восточного факультета, сотрудники Института Востоковедения и несколько деятелей науки и искусства, которые как-либо были связаны с международными обменами.

Вот именно это кураторство Комиссии Солидарности и познакомило меня с Авелино – чернокожим студентом Питерского "Первого Меда" из Экваториальной Гвинеи.

Вообще, для решения проблем иностранных студентов в

СССР существовала отдельная организация – в Питере она называлась "Совет по делам иностранных учащихся" и располагалась в нашем-же здании Дома Дружбы. Но бюрократическая особенность заключалась в том, что иностранные студенты в СССР не были однородной массой – среди них были стипендиаты разных государств, были частные лица, а также, среди прочего, были и стипендиаты Комитета Солидарности... И вот, каждый раз, когда им нужно было на каникулы лететь на родину, они все приходили ко мне, чтобы получить печать в обходной листок, свидетельствующую о том, что Комитет Солидарности не возражает против поездки, и никаких невыполненных обязательств по линии стипендии за ними нет – такая вот формальность. Печати ставились автоматически, но процедура должна была быть соблюдена... Это была самая лёгкая из моих многочисленных обязанностей. Ничто не предвещало каких-либо осложнений по этой линии...

Но, однажды случилось непредвиденное:

Позвонили с вахты и спросили может ли кто-нибудь принять двух африканских студентов... Я попросил пропустить их ко мне и стал рыться в столе в поисках печати, будучи уверен, что речь как всегда о штампе в обходник для выезда на родину...

Но на этот раз события стали развиваться неожиданно...

Когда они вошли, я сразу узнал одного из них – Бокари был нашим стипендиатом из Первого Медицинского института. Вместе с ним пришёл африканец невысокого роста, который сразу расплылся в белозубой улыбке...

– Борис, у нас есть официальная просьба, - начал Бокари. – Вот познакомьтесь, это студент пятого курса Первого Меда – Авелино. Мы живём с ним в одной комнате в общежитии. Он хочет стать стипендиатом Комитета Солидарности...

– Этот вопрос я не решаю, – ответил я. – Вам нужно обращаться в Москву...

– Мы знаем, но там требуют характеристику по месту региональной Комиссии Солидарности, – сказал Бокари, – а это именно Вы...

Я на секунду задумался и Бокари добавил:

– Я ручаюсь за него, он сейчас Карла Маркса читает...

Меня улыбнуло, но виду я не подал:

– Я посоветуюсь, – сказал я. – Никогда таких вопросов не возникало...

Они ушли, а я понял, что надо звонить в Москву.

2

Если бы моя непосредственная начальница была на месте, она бы решила этот вопрос сама – но она была в отпуске. Председателем местного Питерского Комитета защиты ми-

ра, по линии которого я числился в штате, был поэт Михаил Дудин, но исполнял свою должность он на общественных началах, никогда ни во что не вмешивался и появлялся у нас лишь пару раз в месяц – его функции были представительскими и текущими делам он не занимался. Приходя к нам на второй этаж, Михаил Александрович обычно приглашал всех обедать в кафе на первом этаже и часто сам платил за нас. Он был человек-праздник – и я очень любил его... Однажды, после очередного приёма, проходившего в Доме Дружбы по линии международных связей Профсоюзов, он, уходя с мероприятия, с хитрым выражением лица продекламировал мне на ухо внезапно посетившую его рифму с двусмысленным по тем временам содержанием: "На всех банкетах Профсоюзы крепят с Рабочим Классом узы".

Но я отвлёкся от темы ...

Конечно, в той ситуации нужно было звонить в Москву непосредственно в Советский Комитет Солидарности стран Азии и Африки ...

Я был знаком с несколькими референтами этого учреждения, так как они сопровождали иностранные делегации, которые я принимал в Питере, помогая "убивать двух зайцев" для московского начальства – освободиться в Москве на weekend от докучливых гостей и, заодно, решить вопрос с культурной программой...

Я стал звонить в Москву...

– Знаем мы эту ситуацию, – сказал мне по телефону московский референт, – попал ты, Борис, конкретно... У этого твоего Авелино ещё месяц назад папа был министром в Экваториальной Гвинее, но умудрился поссориться с Президентом этой самой Гвинеи до такой степени, что чуть ли не в партизаны бежал из столицы... Короче, этот их Президент собственноручно вычеркнул всех его родственников из списков живых и мёртвых – соответственно плакала и гвинейская гос.стипендия твоего Авелино – а это вообще-то плата за обучение. Его теперь должны отчислить из Института по этой причине – вот он и прибежал к тебе, чтобы перевестись на нашу "стипендию"...

– Так чего делать-то? – поинтересовался я, не понимая, почему это я "попал конкретно".

Ответ был примерно следующий: " Вопрос этот как-бы щекотливый. Экваториальная Гвинея нам не самая дружественная страна и умаслить вновь появившегося сильного оппозиционера, дав его сыну стипендию Комитета Солидарности, было бы может быть полезно. Ну, а если в результате всё повернётся иначе? Если с Экваториальной Гвинеей отношения испортятся из-за поддержки сынка оппозиционера этой самой "стипендией", а оппозиционеры окажутся ре-негатами? ... Короче, где-то там в Международном Отделе ЦК они сами не знают чего делать, а решение принимать надо. Вот и решили переложить ответственность на какого-ни-

будь стрелочника – вот это счастье к тебе и приплыло... Им там наверху вроде как вообще всё равно, плевали они на эту Экваториальную Гвинею – главное перед начальством на кого-нибудь всю вину свалить если дело повернётся в плохую сторону... Гвинеец-то этот не в Москве учится, а у вас в Питере, а ты, типа, курируешь в Питере Комитет Солидарности, так? Значит формально ты и должен с ним поработать и нам рассказать, что он за человек – можно ли ему доверять? Ну, а если что, то и ответственность на тебе – сошлются на тебя при "разборе полётов" если "полёты" будут не удачными – и так далее, и тому подобное..."

– Не слабо так, – пробормотал я.

– Действуй, Боря, – сочувственно усмехнулся в трубке бодрый голос. – Удачи...

3

Надо сказать, что в Африке целых три Гвинеи – просто Гвинея [столица Конакри], Гвинея-Бисау и Экваториальная Гвинея, о которой речь... Микроскопическое государство, население которого в момент описываемых событий не доходило и до половины миллиона человек. Чуть позже, в начале девяностых годов, страна, казалось, неожиданно поймала свой шанс – открытые на шельфе огромные нефтяные месторождения принесли сказочные богатства местной олигархической верхушке – это обстоятельство сыграло трагическую роль в данной истории, которую вам предстоит про-

читать в этом рассказе...

Вообще, то, как я повёл себя в ситуации с Авелино идеально объясняет почему я не продолжил свою трудовую деятельность в качестве гос.служащего или дипломата или, как у нас говорят – "бойца невидимого фронта"... Дело даже не в том, что никуда из вышеперечисленного меня никто не приглашал. Дело в том, что мой подход к проблеме оказался абсолютно не совместим с полагающимся по должности у тех людей, которые работают в этих сферах... Ни соображения осторожности, связанные с будущим собственной карьеры, ни соображения государственной целесообразности – ничто из этого даже не постучалось тогда в мою голову. Единственное, что меня поразило в данной ситуации – это то, как ужасно, проучившись "на отлично" столько лет сложнейшей специальности – медицине – быть отчисленным на пятом курсе просто потому, что где-то на родине кто-то с кем-то поссорился... Это, и только ЭТО соображение определило ход моих действий...

...

Я написал для Авелино великолепную характеристику и отправил в Москву. Он стал стипендиатом Комитета Солидарности и вскоре благополучно получил диплом врача... Надо ли говорить, что мы подружились?

Но наша дружба не закончилась после его отъезда из СССР. Как оказалось, это было лишь предисловием к даль-

нейшим драматическим событиям...

...

Всем известно, что конец восьмидесятых годов в СССР сопровождался наплывом в страну многочисленных зарубежных проповедников от всевозможных церквей и сект, появлением в России так называвшихся неформальных общественных организаций и активизацией всякого рода международных контактов.

В силу своих профессиональных обязанностей я оказался в самом центре этих событий.

По линии антивоенного движения нашими особо активными зарубежными партнёрами оказались американские и европейские квакеры – в прошлом христианская конфессия, которая с середины 17 века в Великобритании, а потом и в США, проявляла себя как очень активная общественная сила, занимавшаяся благотворительностью, антивоенной пропагандой и демократизацией конфессиональной жизни – в истории России им особо импонировало толстовство с его "непротивлением злу насилием".

В личном плане квакеры оказались удивительно милыми и приятными людьми. В то время я ещё не был крещён как Православный и, по молодости лет, проявил искренний интерес к этой организации – некоторые из представителей их общины до сих пор являются моими зарубежными друзьями и регулярно присылают рождественские открытки с подроб-

ными письмами о том, чем был знаменателен для них очередной прошедший год...

Я пишу об этом для того, чтобы стало понятно почему только лишь гвинеец Авелино и двое-трое европейских квакеров остались среди моих личных друзей после того, как накануне развала СССР, я покинул Дом Дружбы, предчувствуя последовавший вскоре развал этой организации...

В начале девяностых я уже преподавал английский язык в Технологическом институте и воспоминания о Доме Дружбы ограничивались перепиской с некоторыми квакерами и, конечно, с Авелино, который, получив диплом и покинув СССР, осел не у себя на родине, а в Стокгольме...

4

В 1990-м году мои зарубежные друзья пригласили меня в Молодежный летний квакерский лагерь в Норвегии – не просто отдохнуть, а принять участие в модных тогда дискуссиях на темы построения нового мирового порядка в условиях Горбачевских реформ, падения Берлинской Стены и демократических перемен в Восточной Европе. Я был подходящей фигурой для таких мероприятий – хорошо говорил по-английски, поднаторел в международных связях, и при этом уже был простым преподавателем ВУЗа, а не функционером советской организации, репутация которой за рубежом была противоречива... Кроме того, квакеры мечтали, что я

организую в Питере общину их религиозной конфессии – к этим мечтам были основания, так как я начал интересоваться религиозной литературой, которой они меня обильно снабжали. Вообще, в те годы это было массовое явление – зарубежные христианские [в основном протестантские] общины и проповедники активно искали адептов в стремительно демократизировавшемся СССР... Сразу скажу, что после нескольких лет плотных контактов с квакерами по всему миру, я всё-же сделал другой выбор и в 1994 году принял крещение в Русской Православной Церкви...

Но тогда был год 1990 и я поехал по квакерскому приглашению в Норвегию... Ехать я решил поездом Питер-Хельсинки, затем паром Silja Line в Стокгольм, и из Стокгольма поездом в Осло. Выбор сухопутного маршрута был не случаен – мой гвинейский друг Авелино, уже пару лет живший в Стокгольме, пригласил меня по дороге остановиться у него на пару дней. Мы договорились, что я посету его на обратном пути.

Это не путевые заметки и я не собираюсь описывать маршрут или пребывание в лагере и в семьях квакеров... Мои старшие по возрасту норвежские друзья Турид и Эгиль Ховденак и их дети, мои ровесники: Эспен, Арнэ, Стиг, младшая приёмная дочь Ховденаков Фаузия, удочерённая ими в Бангладешских трущобах Читтагонга – они на-

всегда останутся в моём сердце, и пусть благословит их Господь... Но писать я буду о другом – основные события этого рассказа произошли уже на обратном пути – в Стокгольме...

5

Авелино совсем не изменился за два года. В Швеции он не работал по специальности, но жил в шикарной квартире в Эстермальме – одном из престижнейших районов Стокгольма.

Когда я уселся в мягкое кресло посреди сверкающей европейской чистотой гостиной, он немного виновато сказал:

– Ты сегодня переночуешь в другом месте – мне друзья оставили ключи от пустующей квартиры для тебя. Пони-маешь, неожиданно приехали важные люди – мои соотечественники – сегодня у нас с ними здесь поздний ужин и кое-какие дела не для посторонних : ты ведь помнишь ситуацию с моим отцом. С тех пор ничего не изменилось...

– Политика? – спросил я.

– Немножко политика, немножко маленький бизнес, – по-морщился он, явно не желая вдаваться в подробности. – У меня сейчас здесь сестра гостит, так вот даже её "выгоняю", и попрошу переночевать там-же, вместе с тобой...

Я вопросительно улыбнулся и он захохотал:

– Ну, если ЧТО, то ты ведь только с серьёзными намерениями, правда?... А если с серьёзными, то у моих будущих племянников должен быть только законный папа... Это ты

учти !!! – и он погрозил мне пальцем, заливаясь смехом...

6

Итак, его сестру звали Дэлия, но она сразу попросила называть её Дэла... Ей было 20 лет... И все мужики пялились на неё, когда мы шли на квартиру по улицам города Стокгольма... И мне это было приятно... И я ещё не знал, что ожидало меня ночью... и утром... и siempre... and ever... and after...

7

А ожидало меня то, что через 5 минут после того как поужинав, мы разошлись по комнатам – она пришла ко мне в пижаме ... Будто так оно было и задумано... Будто и не подразумевались другие варианты, и я даже подумал не подстроено ли всё это моим другом Авелино специально?

Но даже не в этом дело... Меня тогда поразило то, что на её лице светилась такая счастливая белозубая улыбка, что вспомнились негритята из мультфильма Чунга-Чанга... Как-то у нас в России в таких ситуациях выражения лиц другие – хотя может я в этом плане маловато повидал на своём веку – спорить не буду...

Она всё с той же сияющей улыбкой села с ногами на тахту, сняла пижамные штаны и, взяв себя руками за щиколотки,

раздвинула пятки как можно шире и выше, склонив голову на бок и ещё ярче улыбаясь в наслаждении от произведённого впечатления...

... ..

Потом, уже засыпая в обнимку с ней под одним одеялом, я ловил себя на мысли – "неужели это всё не подстроено Авелино, а происходит по её искреннему желанию?"

Этот день был субботой ... Для понимания того, что случилось утром это чрезвычайно важно...

8

Утром мы позавтракали и в состоянии абсолютного счастья отправились по едва просыпавшемуся городу в сторону апартаментов Авелино...

Мне казалось, что в старых клипах незабвенной группы ABBA на песни "That's me" и "Summer night city" были эпизоды снятые утром в Стокгольме, и мне захотелось вместо описания города сослаться на них. Но пересмотрев эти клипы, я понял, что многое забыл – на одном видео сняты эпизоды белых ночей, а вовсе не утро, а на другом – хмурый полдень... Интересно, кстати, что мы Белые Ночи ассоциируем только с Питером, хотя и Осло, и Стокгольм, и Хельсинки в этом плане ничуть не отличаются от моего родного города...

Подходя к дому Авелино, мы издали увидели у главного входа полицейские машины с мигалками... Ещё через минуту Дэла тревожно сказала:

– Посмотри без меня, что там происходит – у меня визы нет и все документы просрочены. Мне опасно с полицией иметь дело...

Не подавая вида, но уже предчувствуя, что именно нас коснётся то, что происходит в доме, я оставил её на углу перекрёстка и отправился на разведку, лихорадочно соображая как бы выяснить всё, не вызвав подозрений в чём бы там ни было и, соответственно, избежать каких-либо вопросов со стороны полицейских.

9

Мне повезло – соседом Авелино по лестничной клетке оказался американец и, стоя у парадной двери, он на английском эмоционально пересказывал ночные события дознавателю... Полицию вызвал именно он, когда под утро увидел как посторонние люди африканского происхождения выносят мешки с их этажа, при этом явно пытаясь избежать посторонних глаз. По прибытии наряда было обнаружено, что дверь квартиры Авелино прикрыта, но не заперта на ключ – везде следы обыска и возможно пыток – кровь, прикушенное полотенце, использовавшееся, видимо, как кляп, но ни

живого ни мёртвого Авелино нигде не нашли... Через час на месте уже работала следственная группа, которую мы с Дэлой и увидели у дверей...

...

Нужно было сориентироваться в ситуации. Мои отпечатки пальцев наверняка остались в его гостиной, также как и следы пребывания там Дэлы – мы были последними кто его видел, и этот факт очень не нравился мне, хотя обстоятельства всё-же не бросали на нас никакой тени – было ясно, что мы в этой истории люди случайные. Но всё упиралось в нелегальный статус Дэлы в Швеции – прежде чем "сдаваться" нужно было собраться с мыслями...

Вот так в течение нескольких минут всё изменилось и новая реальность стала тревожно вырисовываться в моём сознании:

– Его похитили и будут требовать деньги у отца, – сказала Дэла. – Я уверена, что он жив и это всё нефтяные разборки на родине.

– Твой отец связан с торговлей нефтью?

– Авелино говорил, что ты знаешь, кто мой отец...

– Ну, отчасти да...

– Тогда ты понимаешь, что назвать торговлей то, о чём мы говорим – это слишком нежно...

Я промолчал... Если кому интересно что имела ввиду Дэ-

ла, можете погуглить Экваториальную Гвинею в википедии – и дальнейших вопросов по поводу этого диалога у вас уже не возникнет...

Но в тот момент наши проблемы были сугубо конкретны и серьёзны...

Вопросительно глядя мне в глаза, она охарактеризовала ситуацию :

– Я даже боюсь сейчас возвращаться в квартиру где мы спали – мне негде теперь ночевать...

Стало понятно, что мой отъезд на родину откладывается – невозможно бросить в этой ситуации девушку, с которой провёл ночь накануне...

И ещё я подумал, что столь подходящее к моменту русское слово "....." напрасно не является литературным выражением...

10

Как я уже сказал, этот день был воскресеньем... Именно этот факт определил ход моих дальнейших действий...

Что можно было предпринять в чужой стране , да ещё на обратном пути в СССР, когда деньги уже на исходе, и по тем временам финансовых пополнений с родины ждать было не от кого ? Я-то мог в тот же день сесть на паром и отправится по своему обратному маршруту в Хельсинки и далее в Питер, но как быть с Дэлой, которая твердила, что ей теперь

ночевать негде, а её брат и спонсор неизвестно жив ли вообще...?

И вот тут-то воскресенье сыграло свою роль... Мне сразу пришло в голову, что можно обратиться к местным квакерам, которые в любой стране при любых обстоятельствах как раз по воскресеньям встречаются на своих молитвенных собраниях – и хотя шведских квакеров среди моих знакомых не было, я был вхож во все квакерские общины мира просто потому, что в любой момент мог связаться со своими друзьями – их единоверцами – и получить любые рекомендации... Одним из важнейших направлений квакерской деятельности является помощь беженцам, и я инстинктивно чувствовал, что лучшего варианта для хоть какого-то решения проблемы у нас с Дэлой не было...

Оставалось найти телефонный справочник и узнать адрес местной квакерской церкви [так называемого Дома Собраний] ... И надо было спешить – во всём мире каждое воскресенье в 10 утра начинаются квакерские молчаливые молитвенные собрания, которые продолжаются час. После этого небольшая трапеза [просто чай] и беседа – максимум ещё минут 30 – и все расходятся...

Я посмотрел на часы. Было уже четверть одиннадцатого... В те времена мобильники только входили в моду, и в Стокгольме ещё были телефонные будки, где лежали теле-

фонные книги... Лихорадочно листая страницы в поисках адреса, я приказал Дэле вызывать такси...

11

Мы вошли в помещение квакерского молитвенного дома на Kristinehovsgatan в 10.50... Пройдя в комнату собраний, мы сели на свободные стулья ...

Оглядевшись вокруг я попытался успокоиться и присоединится к присутствующим в молчаливой квакерской молитве, которую многие путают с медитацией... Хотя мы пришли к самому концу молчаливого собрания, никто даже глазом не моргнул, продолжая сосредоточенно вслушиваться каждый в себя среди почти звенящей тишины, которая всегда так таинственно сопровождает общение квакеров со Всевышним...

Мои тревожные мысли стали постепенно приходить в порядок и наступило какое-то душевное умиротворение. Дэла с умильной любознательностью украдкой поглядывала по сторонам, но ярко белые белки глаз на фоне черного цвета кожи выдавали её любопытные взгляды и отсутствие молитвенной сосредоточенности...

Вдруг я заметил наискосок от себя Айри Рикберг – финку, которая только что была со мной в лагере в Норвегии, а чуть

подальше ещё одного парня, которого тоже встречал там же – даже не знал, что он швед...

12

Короче, в этот раз, послемолитвенное чаепитие шведских квакеров было целиком посвящено разборам наших с Дэлой "полётов"...

Видимо традиции веками преследовавшейся секты формируют характер адептов, а десятилетия постоянного противостояния иммиграционным властям в борьбе за права беженцев не оставляют иллюзий – никто даже не предложил попытаться поговорить с полицией или непосредственно обратиться к властям. Было принято во внимание то, что Дэла, оказывается, – католичка . Кто-то из присутствующих сказал, что лично знаком с неким "братом Джованни" – большим человеком в Стокгольмском отделении Каритас – международной католической благотворительной миссии. Надо понимать, что Швеция страна лютеранская и католиков там немногим больше 1 %...

Ещё до того как остыл чай в чашках, по телефону для нас была назначена встреча с "братом Джованни" и записаны все квакерские контакты на случай если в Каритас найти помощь не удастся...

13

Вот таким образом , с надеждами отправились мы пешком по пасмурному Стокгольму знакомиться с "братом Джованни" в штаб-квартиру Каритас ...

14

Джованни удивил нас, предложив остановится лично у него. Возможно такое отношение было связано с тем, что мы попали к нему не обычным образом, а по дружеской просьбе знакомых, но сейчас мне кажется, что монашеское одиночество сыграло свою роль : всё-таки мы были вполне приличными и, главное, интересными для него людьми – среди его клиентов большинство вообще были полуграмотными, а поболтать он любил как все итальянцы, но с одним отличием – его интересовали высокие и интеллектуальные темы – и в этом я очень скоро убедился ...

Нам нужно было хотя бы несколько дней, чтобы понять как Дэла должна была действовать – связаться с отцом , выяснить ситуацию с Авелино, да и вообще – как ей строить жизнь дальше и на какую страну ориентироваться – пытаться легализоваться в Швеции или рассмотреть другие варианты?... Я решил остаться вместе с ней у Джованни на несколько дней, чтобы уехать уже в уверенности, что события приняли контролируемый характер, намечены цели и начаты действия для их достижения...

Уже исходя из одной только приставки к имени Джованни – Fra Giovanni – где Fra это сокращение от fratello – брат – понятно, что Джованни был монахом. Это был немного полноватый мужчина лет сорока с живыми весёлыми глазами... Первый же наш с ним разговор за ужином в день знакомства вывел нас на столь любимые им интеллектуально-богословские рассуждения. Он буквально поймал меня на случайной фразе. Рассказывая о сидящей здесь же с нами и жующей макароны Дэле, я произнёс слово, употребляемое в английском языке в значении "неопределённое положение, не решённая участь", слово, имеющее латинские корни и вполне определённый смысл также и в итальянском языке. Я сказал:

– She is in limbo now...

– Do you know what is "limbo" ? – улыбнулся он и глаза его засверкали в предвкушении интересного разговора, – У вас в православии ведь нет понятия "чистилища" и limbo. У вас душа после смерти проходит мытарства, а не чистилище ...

– Не одно ли это и тоже? – спросил я, заглотив "наживку" ...

Не буду пересказывать всю нашу беседу о том, что ожидает всякого после смерти при переселении в мир иной – мы ещё беседовали, когда Дэле уже ушла спать. И когда она вы-

шла, Джованни вдруг сказал мне поразительную вещь:

– Красивая какая африканка – и фигура, и вообще...

– Разве монахам можно обращать на это внимание? – подколол его я, и улыбнулся, чтобы это сошло за шутку.

– А я стал монахом из-за несчастной любви к девушке, – ответил мой новый друг, поставив меня в абсолютный интеллектуальный тупик.

Так как я растерялся и не знал что ему на это ответить, он продолжил:

– Я в 17-летнем возрасте решил, что Господь даст мне ту девушку во сне по моим молитвам, раз уж в реале она мне отказала ... Я был в таком отчаянии, что думал – "какая разница, наяву или во сне?". Уговаривал себя тем, что во сне может даже и интереснее... Я даже стал читать научную литературу о снах . В так называемой фазе быстрого сна человек зачастую испытывает ощущения от сновидений намного превосходящие то, что может чувствовать наяву... Это не просто какие-то там эротические сны – я думал о соитии наших астральных тел, полном проникновении внутрь друг друга без какого-либо секса – мне казалось, что в Раю, где нет жён и мужей, а все пребывают "как Ангелы на Небесах" именно так свидания с любимыми и происходят...

– Ты и сейчас так думаешь? – спросил я, начиная приглядываться к нему с опаской.

– Нет, – рассмеялся он, – сейчас я об этом не думаю. Я уже давно забыл её... Мужчины в этом плане абсолютные гады

– в её юности готовы на безумные кульбиты ради любви, а состарится она – одуванчика не подарят. А ведь это одна и та же женщина... Господь посмеялся над нашими страстями самим фактом увядания женской красоты... Поэтому лучше о душе думать, о сострадании и о Вечности – а девушки и красотки, это всё страсти-мордасти сплошные...

– Теперь вижу, что ты НАСТОЯЩИЙ монах, – пошутил я...

– Кстати, – сказал Джованни, – раз уж я вспомнил про сны..., ты никогда не задумывался из чего состоят видимые нами во сне образы?

Подождав секунду, пока я соображал, что же он имеет в виду, Джованни съел маслину и продолжил:

– Вот когда смотришь на экран компьютера перед собой – там всё понятно, картинка создаётся ударом электронов по люминисцентному экрану – вполне себе материалистическое объяснение на первый взгляд. А вот закрой глаза и представь себе кролика – из чего этот кролик в твоём мозгу состоит? Ну, я имею в виду его изображение, саму картинку? Из материальных частиц?... Ты усилием мысли создаёшь материальные объекты как Господь Бог или что ?

– Может быть это изображение кролика состоит из фотонов? – предположил я...

– Во первых фотон тоже материален, а во вторых фотоны при закрытых глазах в мозг не проникают...

– Электроны? – продолжал я гадать. – Но это тоже мате-

риальные частицы. Не можем же мы в своей голове по своему желанию материализовывать объекты усилием воли...

– Интересно, правда? – Джованни наслаждался беседой и чувствовалось, что не жалеет об оказанном мне и Дэле гостеприимстве...

– Так всё-таки, из чего состоит кролик, которого я вот сейчас вижу закрыв глаза? – спросил я и сам удивился своему наивному детскому любопытству и тому как захватил меня этот вопрос...

– А-ха-ха!!!, – Джованни наслаждался общением, – а теперь представь себе гипнотизёра, который не просто творит образы в своём мозгу, но заставляет целые группы людей увидеть этого кролика и даже играть с ним или ловить его в комнате – из чего состоит этот кролик, которого нет?... Или он всё-таки в каком-то виде есть?

Я не знал что сказать, но попытался ответить:

– У нас в Советском Союзе был режиссёр Тарковский, который снял фильм Солярис – там в космосе мыслящий океан создал главному герою-астронавту материализованный образ его собственной молодой жены, которой уже в живых не было – просто копировал образ из памяти главного героя и воплотил в реале, причём с теми же психологическими чертами и со способностью говорить и обучаться и так далее...

– И чем у них это кончилось... с женой? – спросил Джованни...

– Не помню чем конкретно кончилось с женой, но сексом

они занимались... Кстати, в результате главный герой фильма предпочёл остаться в некоем подобие рая, который ему этот Солярис воссоздал с точной копией его собственного дома и окружающей местности во всех деталях природы и земных красот ... то есть он просто отказался возвращаться в реальность на Землю...

... ..

Вот такие были у нас разговоры...

16

Через несколько дней, убедившись, что Дэла в надёжных руках людей, лучше меня знающих как ей помочь, я стал собираться в обратный путь...

... ..

Она провожала меня на паром...

... ..

17

Уже поднявшись на борт и увидев стройную фигурку вдали, я подумал, что покидаю свой дом ... Хотя всё было наоборот... Такое странное чувство...

Но это были лишь "цветочки" – "ягодки" дозрели позже...

Ночью на пароме пришла в голову мысль – "а что дальше?". Почему вообще необходимо было расставаться? Что, собственно, не устраивало меня в перспективе остаться с

ней навсегда? Было невообразимо представить нас вместе в СССР – мы ведь расистов осуждаем только издалека, а представьте себе продолжение этой истории в наших родных краях...

– А вот в Швеции, – шептал мне "внутренний голос", – всё было бы без проблем...

... ..

На следующий день в Хельсинки я стоял на вокзале и боролся с желанием развернуться на месте и отправиться обратно в Стокгольм...

... ..

Но всё же через несколько часов я пересёк границу СССР...

18

Но это ещё не конец...

Через пять месяцев я увидел её во сне...

...

Была уже зима, но мне вдруг приснилось, что я проснулся летом в лесу... Было ощущение абсолютной реальности происходящего и полная уверенность, что вся предшествующая жизнь была лишь сном... а реальность – вот она во круг: влажный мох под моими руками, тёплые капли только что прошедшего дождя, и белая ночь светящаяся с небес... Но как я попал сюда?...

Поднявшись на ноги, я увидел Дэлу перед собой. Эта белозубая улыбка Чунга-Чанга, этот черный ангелочек с белками огромных любопытных глаз:

– Что ты тут делаешь, моя хорошая...? – спросил я, обнимая её.

– Я подслушивала ваш разговор с Джованни, – ответил мне самый загорелый в мире ангел. – Вы тогда думали, что я пошла спать, а я одела пижаму и слушала, сидя под дверью...

– Ты наверное замёрзла? Мы с ним говорили так долго...

– Нет, совсем нет... , – она обняла меня под рубашкой и я почувствовал, что она действительно вся тёплая. Глядя снизу мне в глаза, она сказала:

– Давай полетаем так, как рассказывал Джованни?

– Это как?

– Друг в друге...одним телом...

– Что ты, ангел...ведь он говорил про сны.

– А мы сейчас во сне, – сказала Дэла...

Я не поверил ей, но почувствовал, что мы действительно одно тело и уже стремительно несёмся ввысь...

Лес остался внизу. Под светлеющим небом раскинулся пейзаж в сумраке белой ночи...

... ..

Потом мы вернулись ...

– Тебе пора просыпаться, – сказала Дэла, – но... пока мы ещё здесь, оставь мне того кролика, про которого рассказывал Джованни...

Не закрывая глаз, я представил себе кролика под ёлкой, и он сразу же появился там... Взглянув на нас, он хотел было убежать, но Дэла засмеялась и успела схватить его... Держа его на руках, она со своей сияющей улыбкой смотрела на меня.

– Только не прижимай его пузом к себе, – испугался я, – у кроликов очень сильные толчковые задние лапы, он брыкнётся и ударит тебя в живот...

Она послушно перехватила кролика под пушистое брюшко и, держа левой рукой за уши, осторожно повернула так, чтобы его лапы в случае чего не задели её...

... ..

Так она там и осталась стоять, держа кролика на руках... даже после того, как я проснулся...

... ..